

Темно.

Раз.

Два.

Три.

Три вдоха и выдоха, на последний из которых с трудом открываются глаза.

Все качается и плывет куда-то в Нифльхейм, и там наверняка так же холодно и жестко, как здесь. А еще дерьмово пахнет. Что ж, в таком случае привычка пригодится.

Перевернуться. Надо перевернуться.

Одно небольшое усилие – и в живот впивается что-то острое. Стоит двинуться – и режущая боль пронзает все тело, от макушки до пяток. Замереть? Когда тебя били долго и усердно, практически невозможно отстраниться от боли – она с тобой всюду. Она держит тебя за руку, словно вцепившийся в добычу утбурд.

Снова темно. Это глаза закрылись, нет сил держать их открытыми. Все вокруг качается – они еще плывут? Или просто морская болезнь никак не желает уходить?

Тошнит. Выворачивает наизнанку, заставляет захлебываться желчью и ничем другим, кроме желчи, потому что кормить никто не собирается. Последний глоток воды был сделан... когда-то давно, времени тут нет. И звезд нет. И Дикая Охота не пронесется тут, чтобы Хольда могла наказать всех, кто того заслуживает.

Кто-то шумно шагает рядом. Произносит резкие слова на чужом языке, интонация не оставляет места сомнений: это брань. Беспощадная ругань. Кто-то сильно разозлился, увидев лужу блевотины. И этот кто-то с размаху бьет сапогом в живот, вышибая остатки рвоты себе на ногу.

Хриплый смех срывается с потрескавшихся губ, глаза все еще плохо видят, зато уши слышат отлично, несмотря на весь этот шум вокруг. Двухногая свинья продолжает браниться, но уже отойдя подальше.

Смутные силуэты появляются рядом.

– отойди – приказывают грубо. Кому?

Хватают за подбородок, заставляют приподняться. Тело ломит от побоев и морской болезни, глаза слезятся, мешая разглядеть вновь пришедших. Видно только, что их двое.

– твоя цена– снова тот же голос.

В голове шумит. Хочется сплюнуть, но чужие пальцы крепко сжимают челюсть.

– тысяча денариев.

Это уже второй. Нахальный голос, звучавший все время пути. Дотянуться бы, всадить нож в горло, выпить теплой крови...

Надменный смешок.

– слишком много, дорогуша.

Хватка пальцев разжимается, и на мгновение становится так хорошо, что слух подводит. Хочется лечь, прижаться щекой к грязным доскам и закрыть глаза. Пусть себе разговаривают.

Двое перебрасываются чужими словами, и в словах тех слышится желание обмана. Каждый хочет надуть второго. Типичная сделка работоторговцев. Грубый, непонятный язык. Наверное, теперь придется выучить. Если потребуется выжить. А ведь потребуется. Но это после.

Снова темно. Снова закрылись глаза. Можно сдаться и уснуть навсегда, но тогда не проснешься в Валхалле, и валькирия не возьмет тебя за руку, чтобы подвести к Одину и усадить за пиршественный стол рядом с ним.

Все болит. Едва сгибаются распухшие пальцы – на них наступили не раз. Ноет раненая голень – кровь, должно быть, уже не течет, но легче от этого не становится. В голове вертится чернота, то и дело пронзаемая золотыми искрами.

Глаза закрыты. Голоса отдаляются. Нифльхейм близок как никогда.

Вода выплескивается в лицо, на мгновение кажется, что мир сейчас утонет. Девушка, лежащая на полу, вскидывается, кашляя, и тут же со стоном оседает обратно, хватаясь за ногу: там, на старой грязной повязке, выступает яркое алое пятно. Бородатый мужчина, держащий в одной руке ведро, сплевывает и ворчит что-то себе под нос. Вместо кисти второй руки у него торчит что-то блестящее, похожее на крюк. Еще один мужчина, постарше, с темным и хитрым гладко выбритым лицом, наклоняется к девушке и заставляет ее поднять голову. Девушка беспомощно

моргает, пытаясь отодвинуться, но сделать ей это не удастся. Мужчина поворачивает ее голову в одну сторону, потом в другую, заставляет разжать рот, зачем-то проверяет подмышки и бесцеремонно ощупывает грудь. Девушка позволяет ему все это, стиснув зубы. Она знает, что с момента, как попала на корабль, считается рабыней. А с рабами обращаются бесцеремонно. Нет толку возражать, только лишний раз сносить побои.

Мужчина остается удовлетворен просмотром. Кивает и отпускает девушку, позволяя ей тяжело осесть на загаженный и холодный пол. Они все еще находятся на корабле, который немного качает, и девушку мутит. Она зачем-то стоически держится, медленно моргая. Мужчина смотрит на нее еще какое-то время, потом наклоняется снова.

– Я и есть твой ланист, – говорит он на родном языке девушки: с акцентом, но вполне понятно. – Ты не выглядишь воин, но Наута уверять меня, что ты сражаться хорошо.

Он глядит в сторону бородача, тот кивает, как бы подтверждая.

Девушка продолжает угрюмо молчать. Сальные светлые волосы свешиваются ей на лицо, она пытается убрать их, но терпит неудачу. Раненая нога снова звенит болью.

Она знает, кто такие ланисты. А теперь она знает еще и куда попала. Лучше бы Нифльхейм, вот правда.

Наута – проклятый обманщик!

Кто бы мог подумать, что так легко возненавидеть человека.

Девушка зло смотрит на бородача, ухмыляющегося в стороне.

Заманил ее на свой корабль! Заговорил, задурманил голову, наобещал много всякого! Победи он ее в честном бою – слова бы поперек не сказала, сложила бы меч к его ногам. Но он напоил ее хитрой настойкой и утащил в трюм, а после связал и бил, не давая еды и воды, истощая ее так, чтобы она не сумела воспротивиться, когда придет время встать на ноги. Однажды она натравит на него Гарма, вот тогда он взмолится, но будет поздно!

Ланиста щурится.

– Ты меня понимать? – уточняет он.

Девушка кивает не сразу. Не знает, как будет лучше. Откуда ему известен ее язык?

– Хорошо, – хмуро улыбается ланист. Зачем-то трогает свои лежащие в беспорядке волосы с небольшой сединой, и добавляет:

- Я есть гражданин великого Рима, - в голосе его слышится неподдельная гордость. - Откуда есть ты?

Девушка устало прикрывает глаза.

Там, где ее схватили, властвуют колючие ветры, на спинах которых можно пройти все Великое море. Инеистые великаны выстушают своим дыханием целые долины, и никто не смеет поселиться там, где прошли они. Один на Слейпнире объезжает свои владения и строго следит за порядком. В ее стране живут настоящие воины, и служат им лишь те, кого они победили в бою!

Подлый Наута подходит и пинает девушку ногой: не сильно, не больно, но унижительно. Она беззвучно скалится, обещая себе, что никогда не забудет его лица. И братья ее никогда не забудут, едва она расскажет им.

- Я родилась на севере, - нехотя открывает она рот и едва узнает свой голос: после долгого и вынужденного молчания он звучит хрипло и низко. - Далеко отсюда.

- Ты знать, где находиться сейчас? - оживает ланиста. - Ты знать карты?

Его тонкие губы изгибаются в улыбке.

Девушка кивает. Она знает. Еще с детства, когда вместе с братьями ходила на лодке за восточный холм, где водилась самая крупная и вкусная рыба. Для таких походов карты не требовались, но детям было в забаву начертить свою. А после отец заметил ее интерес и показал свои карты - большие, настоящие, потрепанные. Однажды, обещал он, они вместе отправятся за три моря, к большому острову.

Однажды...

Но она отправилась без него.

Ланиста быстро перебрасывается парой слов с Наутой, оба смеются. Девушка чувствует их торжество. Может быть, они думают, что она проведет их в свою деревню? Где они смогут добыть еще больше рабов?

- Хорошо, - удовлетворенно кивает ланиста. - Меня звать Аурус, - он тычет указательным пальцем себе в грудь. - Аурус Фульвий Аттиан. Каково твое имя?

Он с интересом глядит на девушку, ожидая ее ответа. Она же упрямо сжимает губы.

Ей все равно, как он станет ее называть. Сама мысль о том, что имя, данное ей матерью и

отцом, станет коверкаться этими подлыми тварями...

– Говори, – угрожающе советует Наута, крюк его блестит в свете солнца, пробившегося сквозь щель в досках. Рыжеватая борода обрамляет загорелое лицо, светлые глаза обведены чем-то черным.

Ланиста Аурус склоняет голову к плечу. Он не выглядит сердитым и не угрожает. Для этого у него есть Наута. Очевидно, они работают вместе очень давно.

– Говорить, дорогая, – произносит Аурус, тон его приторно-сладок. – Ты же хочешь, чтобы мой лекарь зашил тебе эти безобразные раны?

Он садится на корточки и касается кончиком пальца ноги девушки, покрытой коркой грязи и засохшей на повязке крови. Где-то там, под всем этим, принимается вдруг пульсировать рана.

Девушка вздрагивает. Прямо и безбоязненно смотрит на Ауруса. Ее открытый взгляд его не смущает, он только ободряюще улыбается. Если бы он не был работоторговцем, то его можно было бы принять за доброго дядюшку-соседа, не желающего худа.

– Ну! – прикрикивает Наута внушительно.

– Эмма! – тут же отзывается девушка, потому что громкие звуки только усиливают боль и мусть в голове. И добавляет чуть тише:

– Эмма Свандоттир.

Лебедь – тотемное животное ее отца, в честь него он и получил свое имя, доставшееся по наследству Эмме. Ждали сына, но родилась она. Отец не стал горевать, сам выточил для дочери меч, пятнадцать лет ждавший свою хозяйку. И вот, наконец, дождался.

Аурус еще шире растекается в улыбке. Глаза его ярко блестят. Он хлопает Эмму по больной ноге, делая вид, что не замечает сдавленного вскрика. Поднимается, поправляя одежду.

– Славное имя, Эмма Свандоттир, – хвалит он то, что в похвалах не нуждается. – Ты будешь летать над ареной как птица!

И он раскидывает руки, показывая, каким именно будет полет.

Позади угодливо смеется Наута.

Эмма замирает. Она не знает, о какой арене идет речь, но сердце подсказывает, что ничего

хорошего не случится. Она здесь, вдали от родной стороны, от матери, от отца и от названных братьев, вставших бы за нее горой, прознай они, что случилось. Но теперь надо дожидаться северного ветра, который заглянет сюда, и нашептать ему про свою беду.

- Сколько тебе зим, Эмма? – спрашивает Аурус, и Наута выгибает бровь, будто ему тоже это очень интересно.

Эмма вздыхает.

- Двадцать.

Она ждет следующего вопроса о муже и детях, но, кажется, здесь это никому не важно.

Аурус уходит, напоследок бросая пару слов Науте. Тот мрачно кивает и притаскивает Эмме кадку с ледяной водой и рваную тряпку.

- Мойся, – велит он, похотливо улыбаясь, а сам садится неподалеку и принимается смотреть. Эмма поворачивается к нему спиной и кое-как моется, слыша, как тяжело дышит пират, не отрывающий от нее взгляда. Наута забирает у нее грязную одежду и приносит новую: две повязки – на грудь и на бедра. Даже помогает Эмме с ними, не забывая облапать ее. Эмма хочет ударить его, но сил слишком мало. Следует их приберечь.

- Красотка, – подмигивает ей Наута. Склоняется к уху и шепчет:

- Зла не держи, Эмма, дочь Свана. Не я бы тебя забрал, так тот, что за мной шел: шавка Завоевателя, мерзкая и двуличная. И ты бы не попала к Аурусу. Уж поверь, он единственный ланиста здесь, который не насильничает над тобой.

Наута говорит на северном языке чисто и почти без акцента, понимать его не сложно. Эмма слушает и поджимает губы. Неприятная дрожь пробегает по спине.

Иногда она забывает, что остается женщиной в мире мужчин. Что даже с мечом она слабее и уязвимее. Что мужчины могут сделать с ней многое из того, что она с ними сделать не сумеет никогда.

- Пошли, – Наута легонько пихает ее в спину. – Аурус прислал повозку. Лудус ждет тебя, прекрасная воительница.

Он смеется, а Эмма, вздрагивая, делает свой первый шаг к чужой земле.

Примечания:

Нифльхейм - в германо-скандинавской мифологии один из девяти миров, земля льдов и

туманов, местообитание ледяных великанов, один из первомиров

Утбурд - в скандинавской мифологии злые духи младенцев, которых бросили умирать

Дикая Охота - группа призрачных всадников-охотников со сворой собак. Происхождение легенд о ней несет норвежские мифологические корни

Хольда - (фрау Холле) — старуха-волшебница, в рождественские ночи принимающая участие в Дикой охоте, наказывающая плохих людей и приносящая подарки хорошим

Ланиста - (от латинского *lanius* — «мясник») - представитель категории лиц, для которых покупка, перепродажа, а иногда и обучение гладиаторов являлись профессией, средством заработать хлеб

Наута - (лат. *nauta*) - моряк, мореход

Гарм - в германо-скандинавской мифологии огромный четырёхглазый пёс, охранявший Хельхейм, мир мёртвых, чудовище

Инеистые великаны - или гримтурсены — в германо-скандинавской мифологии предвечные великаны, жившие ещё до асов

Слейпнир - («скользящий» или «живой, проворный, шустрый») — в германо-скандинавской мифологии восьминогий конь Одина, порождение Локи

Аурус - от лат. *aurum* - золотой

Эмма - изначально это было немецкое имя, означающее «целый» или «всеобщий»

Свандоттир (от исланд. *svan* - лебедь и *dottir* - дочь) - буквально «дочь лебедя»

Лудус (рим.) - дом или школа гладиаторов

<http://erolate.com/book/1136/29488>